

НЕИЗВЕСТНЫЕ ЧЕРТЫ ИЗВЕСТНОЙ АКТРИСЫ

Любовь Михайловна Коликова, заслуженная артистка России, давно пишет стихи, но об этом знают только ее друзья.

А еще пожелать хочу,
Чтобы пела душа вновь и вновь,
Чтобы жили в наших сердцах
Вечно вера, надежда, любовь!

Эти строки она прочитала на встрече в областной филармонии

женщин – членов международного женского клуба «Сороптимист – Великий Новгород». Актриса читала стихи Асадова, Есенина, но о своем авторстве, как всегда, умолчала.

Об этом поэтическом пристрастии я узнала, встретившись с Любовью Михайловной на следующий день после этого концерта, хотя в последние годы мне довольно часто приходилось бывать у актрисы, слушать ее воспоминания. Как, оказывается, многогранен человек! И у известной актрисы есть неизвестные черты.

Ее пожеланиями, поздравлениями, которые она неизменно пишет в поэтической форме, друзья дорожат.

Сердцем будь всегда красивой,
Духом будь всегда чиста,
Доброй, нежной и счастливой.
Наш поклон тебе. Пока.

Когда Любовь Михайловна шутит, то называет свои поэтические строчки «абракадабра», а когда в настроении и ударе – может положить на музыку, взять в руки гитару и тут же экспромтом исполнить. И, послушав ее искренний, выразительный голос, я подумала, что ей это необходимо, как спасательный круг в бурном житейском море.

«Часто вижу, — говорит актриса, — серые от злобы лица людей, готовых сбить тебя с ног, а ведь в жизни должно быть светло. Когда я

смотрю по телевидению передачи или фильмы, где культ насилия, то у меня возникает стойкое ощущение, что кто-то задумал в наши души внести раздор. А в жизни должно быть больше радостного.

Моей наставницей всю жизнь до самой смерти была бабушка, воспитанница Смольного института благородных девиц. Она знала немецкий язык, и немцы из-за ее берлинского произношения думали, что она родом из Германии. Французы принимали ее за француженку. Она работала переводчицей, но в юности была певицей. Слушала знаменитого Собинова. «Он потрясающий Лознгрин», — отзывалась она о певце, исполнявшем заглавную роль в одноименной опере. Моей бабушке довелось бывать в поэтическом салоне и пережить счастливые мгновения встречи с Есениным. Она так вспоминала: «Я увидела восторженные глаза поэта. Мы все замерли, когда он начал читать свои стихи. Образ Сергея Есенина я сохранила на всю жизнь — пронзительно нежный и светлый».

Вот такая была моя бабушка, которой я бесконечно благодарна. Она научила меня любить театр, входить в него, как в храм. Меня называли в ее честь Любовью. В память о ней я оставила и фамилию — Коликова».

Актриса показывает фотографию Любови Павловны. На обороте снимка написано: «Мой любимый черный бриллиантик, моя бархатная бабочка! Я желаю тебе большого личного и творческого счастья! Помни и впредь, что кому больше дано, с того больше и взыщется!».

Эта надпись — настоящее духовное завещание. Оно закрепило семейные традиции, сделало основополагающей нравственную сторону жизни.

В Новгородском областном театре, когда он располагался еще в кремле, все актеры знали, что в зале есть место для бабушки — Любови Павловны Коликовой, которая посещала почти все спектакли. Когда кто-нибудь неосторожно усаживался, ему вежливо предлагали пересесть и объясняли: это место бабушки.

60-е годы были звездными для заслуженной артистки Любови Михайловны Коликовой. Спектакль «Женитьба Белугина», поставленный в 1958 году, был одним из первых спектаклей режиссера Владимира Семеновича Ефимова. Но он был поставлен так, что, по признанию Л.М. Коликовой, играть плохо было невозможно. В другом спектакле, «Вей, ветерок», актриса до сих пор помнит свою роль и жалеет, что не сделала все так, как хотелось бы. Однако ее Байба запомнилась и полюбилась зрителям.

Для нее был очень памятным 1975 год, когда молодые режиссеры театра поставили разом пять зарубежных новелл, объединив их в один спектакль. Это были Анатолий Кошелев, Михаил Богин, Виктор Ерохин. В новеллах играли исключительно молодые актеры. Среднее актерское поколение представляла Любовь Михайловна. Ее героиню звали просто – Актриса. Героиня появлялась на сцене, и луч прожектора словно высвечивал всю ее жизнь. Исполнительница сумела передать трагедию и невостробованность актерской судьбы, отчаяние и пустоту. Сохранилось сценическое фото тех времен. Меховой воротник закрывает пол-лица, видны только огромные глаза, и в них – нестерпимая боль.

Любови Михайловне до сих пор снится театр. Она слышит реплику, после которой ее выход, но не может попасть на сцену. То бежит полем, то пробирается за кулисами театра. Мне показалось, что в этом признании обозначена власть театра над сердцем актерским.

Она может ничего не говорить, скажут ее глаза, широко распахнутые, все подмечающие, не перестающие изумляться жизни. Ее не пугает бег времени, ей пришлось много выстрадать и пережить.

После ее выступления в областной филармонии к ней подошла новгородка Кира Надоршина и сказала: «Я Вас до сих пор помню в спектакле “Чайки над морем”, хотя прошло уже много лет. Вы играли Викторю. С каким чувством играли! Образ Вашей героини был по-настоящему притягательным, у Вас есть талант – запомниться навсегда!».

На мой взгляд, истоки этого таланта в корнях семьи Коликовых. Я держу в руках старинную фотографию 1901 года, на которой изображена в полном составе киевская драматическая труппа Н.Н. Соловцова. Одним из актеров этой труппы был Павел Леонидович Скуратов – отец бабушки, Коликовой Любови Павловны. А артистка этой же труппы Глебова была бабушкиной тетей. Они работали в Киеве в начале 1900-х годов.

Отработав в Новгородском областном театре драмы 30 с лишним сезонов, Л.М. Коликова создала незабываемые образы: леди Анны («Ричард III»), Нины («Маскарад»), Кэт («Остров Афродиты»), Нилы Снежко («Барабанщица») и многие другие. Расставшись с театром, она осталась актрисой в самом высоком смысле слова. Ее литературно-музыкальные программы нашли своих почитателей.

Людмила Гаричева.